

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. А. ЖДАНОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

А. М. Донцов

На правах рукописи

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ДОЗНАНИЯ
И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

(Специальность № 12. 715. — Уголовное право
и уголовный процесс)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Ленинград
1971

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. А. ЖДАНОВА

Авшар.

Д-676.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

А. М. Донцов

На правах рукописи

Проверено 1968 г.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ДОЗНАНИЯ
И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

(Специальность № 12.715. — Уголовное право
и уголовный процесс)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

1322

код экземпляра

42572

Ленинград
1971

Диссертация выполнена на юридическом факультете Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. А. Жданова.

Научный руководитель — профессор **В. П. РЕЗЕПОВ.**

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук профессор **М. И. БАЖАНОВ,**
кандидат юридических наук **Л. Н. ГАВРИЛОВ.**

Ведущий ВУЗ — Свердловский юридический институт

Автореферат разослан 26 января 1971 г.

Защита диссертации состоится 11 марта 1971 г. на заседании Ученого Совета юридического факультета Ленинградского университета им. А. А. Жданова (Ленинград, С-124, ул. Смольного, д. 3, зал № 2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета.

Ученый секретарь **Г. П. ЛЕВЧЕНКО.**

В решении всемирно-исторической задачи построения коммунизма должна быть проявлена особая забота об укреплении социалистического правопорядка. Немаловажное значение в связи с этим имеет совершенствование правовых норм. Поэтому в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»¹ особое внимание научно-исследовательских учреждений, партийных организаций и коллективов ученых, работающих в области права, было обращено на подготовку научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию советского законодательства.

Одной из самых острых и спорных проблем советского уголовного процесса была и остается проблема соотношения дознания и предварительного следствия. Хотя действующим уголовно-процессуальным законодательством в соотношение дознания и предварительного следствия было внесено ряд существенных изменений, все же в принципе это соотношение не изменилось. Организация предварительного расследования в нашем уголовном процессе так и не освободилась от некоторых существенных недостатков.

Нельзя сказать, что в науке советского уголовного процесса проблеме дознания и его соотношения с предварительным следствием не уделяется внимания. Тем не менее данная проблема далеко еще не раскрыта, так как освещается она в литературе главным образом под углом зрения **взаимодействия органов дознания и следствия**, хотя истинную картину организации предварительного расследования может дать изучение **соотношения институтов дознания и предварительного следствия**. Это и предопределило выбор автором темы настоящего диссертационного исследования.

В процессе работы над диссертацией были использованы труды классиков марксизма-ленинизма, Программа КПСС,

¹ «Коммунист», 1967, № 13, стр. 3—13.

решения съездов и пленумов ЦК КПСС и другие партийные документы, советская и русская дореволюционная литература, в той или иной степени затрагивающая тему диссертации. В работе использовано законодательство СССР и союзных республик, относящееся к теме диссертации. Автором изучено и обобщено более 1000 архивных уголовных дел, расследование которых проводилось следственными органами г. Ленинграда за 1966—69 гг., около 300 архивных дел Военного Трибунала Ленинградского военного округа, а также более 100 архивных дел Отдела милиции Октябрьской железной дороги МВД СССР. Автором использованы статистические данные, характеризующие работу следственных органов МВД СССР, УВД Ленинградского облисполкома, Мурманского и Новгородского облисполкомов, а также МВД КАССР. По отдельным вопросам следственной практики было проведено интервьюирование 120 следователей, работающих в УВД Северо-Западных областей страны. На основе этих обобщений и строит автор диссертации свои выводы и предложения по совершенствованию института дознания в нашем праве.

Конечная цель диссертации заключалась в попытке дать решение проблемы соотношения дознания и предварительного следствия. Поэтому диссертант стремился внести посильный вклад в разработку теоретических вопросов, связанных с этой проблемой и высказать свою точку зрения о путях дальнейшего совершенствования действующего законодательства в области организации предварительного расследования преступлений. Достижению поставленной цели и была подчинена структура всей работы. Диссертация состоит из краткого введения, трех глав и заключения.

В первой главе — «**Дознание и предварительное следствие в советском уголовном процессе (понятие)**» — раскрывается сущность обоих видов расследования нашего процесса. Основной задачей при этом ставилось установить, есть ли какие-нибудь отличия в понятиях названных видов расследования, а если есть, то насколько они существенны, принципиальны. Очень наглядно это прослеживается при раскрытии основных элементов механизма предварительного следствия и дознания: их задач, содержания их деятельности, характерных черт органов, ее производящих. В соответствии с этим глава имеет три параграфа.

В первом параграфе подчеркивается, что в раскрытии сущности любой стадии уголовного процесса первостепенное значение имеет уяснение ее задач, т. к. именно они опреде-

ляют характер органа, осуществляющего производство в данной стадии, как и содержание его деятельности. Поскольку в диссертации преследуется цель установить соотношение дознания и предварительного следствия, в ней отдельно изложены задачи каждого из этих видов расследования.

Задачи предварительного следствия. К задачам предварительного следствия автор относит: 1) раскрытие преступления; 2) установление и детальное исследование всех обстоятельств дела с тем, чтобы была обеспечена законность и обоснованность предания суду лиц, обвиняемых в совершении преступления; 3) установление характера и размера материального ущерба, причиненного преступлением, и обеспечение возмещения этого ущерба; 4) обеспечение исполнения приговора, и 5) выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений.

В диссертации высказывается несогласие со взглядами некоторых процессуалистов (Н. В. Жогина, Ф. Н. Фаткуллина, З. М. Онищука, Г. Р. Гольста и др.), считающих, что для предварительного следствия в советском уголовном процессе характерна специальная задача изобличения обвиняемого, сбора доказательств обвинения. Постановка такой задачи означала бы в какой-то степени ориентацию органов предварительного следствия на обвинительный уклон. Конечно, обвиняемый, если он совершил преступление, должен быть изобличен в этой стадии процесса. Однако изобличение обвиняемого в таком случае есть объективный результат всего хода следствия, есть результат выполнения всех его задач.

Задачи дознания. Задачи этого вида расследования автор выводит из толкования тех статей УПК, которые определяют обязанности органов дознания и которые регулируют порядок производства дознания. В результате этого автор считает, что одна форма дознания — дознание по делам, не требующим производства предварительного следствия, имеет точно такие же задачи, как и предварительное следствие, а задачи другой формы дознания — дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, — ограничиваются раскрытием преступления по «горячим следам» (основная задача) и обеспечением проведения в дальнейшем по делу следствия (побочная задача). Диссертант не согласен с некоторыми авторами (В. А. Похмелкиным, З. Ф. Ковригой, И. В. Кагановичем и др.), которые смешивают задачи самого дознания и органов дознания. Задачи органов дознания значительно шире задач дознания, как вида предварительного

расследования, так как включают в себя осуществление не только процессуальной, но и оперативно-розыскной деятельности. Их смешение приводит к наделению дознания такими чертами, какими оно в действительности не обладает.

Во втором параграфе раскрывается содержание деятельности, составляющей сущность предварительного следствия и дознания. Здесь подчеркивается, что основным содержанием деятельности, которая осуществляется на предварительном следствии, является доказывание, основу которого составляют следственные действия. С доказыванием связаны и иные процессуальные меры, сведенные автором в четыре группы: а) уголовно-процессуальные действия, направленные на обеспечение доказывания; б) уголовно-процессуальные действия, совершаемые в ходе оценки собранных доказательств; в) уголовно-процессуальные действия, обеспечивающие участие в уголовном процессе граждан и представителей юридических лиц, имеющих свой интерес в деле и г) уголовно-процессуальные действия, обеспечивающие исполнение приговора и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений. Автор останавливается далее на розыскных действиях, производимых следователем на предварительном следствии, в связи с чем формулирует понятие оперативно-розыскных действий, придерживаясь высказанного в литературе И. М. Гуткиным и И. Ф. Демидовым суждения о том, что они суть видовые понятия более общего родового понятия **розыска**. Диссертант считает, что оперативно-розыскная деятельность представляет собой тот вид розыскной деятельности, который характеризуется применением специальных средств и методов, в связи с чем в сфере розыска компетенция следователя должна быть ограничена производством лишь розыскных действий. Автор выступает против попыток некоторых процессуалистов (В. А. Похмелкин) отождествить розыскные действия следователя с уголовно-процессуальными.

Содержанием деятельности, составляющей сущность дознания, также являются следственные и иные процессуальные действия, но только в меньшем объеме. Диссертант придерживается той точки зрения, что перечень неотложных следственных действий, о которых говорится в ст. 119 УПК РСФСР, является исчерпывающим, и polemизирует с теми, кто утверждает, что он подлежит распространительному толкованию, что в нем содержатся собирательные термины. Автор также не разделяет мнения тех процессуалистов (В. А. Иванова, В. А. Похмелкина, З. Ф. Ковриги, К. Д. Ша-

тило и др.), которые доказывают, что дознание складывается не только из уголовно-процессуальной, но и из оперативно-розыскной деятельности или, что дознание есть продолжение административной деятельности в какой-то особой уголовно-процессуальной форме (И. Г. Коршевер).

В третьем параграфе дана характеристика органов предварительного следствия и дознания и показано какое место в их деятельности в свете их общих задач занимает расследование уголовных дел.

Отмечая, что в настоящее время действуют следственные аппараты прокуратуры, МВД и КГБ, автор подчеркивает, что органом предварительного следствия в условиях советского уголовного процесса является все же **следователь**, а не ведомства, при которых он состоит. Особое внимание уделено тому, что обязанность следователя связана не только с ведением следствия, но и с возбуждением уголовных дел, включающим в себя проверку заявлений и сообщений о преступлении, т. е. такую деятельность, которая весьма отлична по своей природе от деятельности следственной. Следственная же функция, по мнению диссертанта, не может смешиваться, «разбавляться» никакими другими функциями. Ведение следствия — особая деятельность, для которой объективность, всесторонность и полнота — не простое пожелание, а обязательные условия. Поэтому следственная деятельность должна ограждаться от слияния с любыми другими функциями так же, как ограждается от такого слияния деятельность судебная. Известное истории советского уголовного процесса возложение на следователя некоторых функций прокурорского надзора привело в свое время к резкому падению качества следствия, к проявлению в ряде случаев необъективности, к резкой обвинительной тенденции.

Поскольку органы дознания — это органы государственного управления, постольку производство дознания для них далеко не единственная и не главная функция. Отличительной чертой органа дознания является также то обстоятельство, что в качестве такового выступает не лицо, производящее дознание, а тот орган, который оно представляет. Поэтому диссертант придерживается точки зрения тех авторов (Р. Д. Рахунова, В. А. Иванова и др.), что отношения лица, производящего дознание, и руководителя органа дознания являются не процессуальными, а служебными.

В итоге автор приходит к выводу, что ни по задачам, ни по характеру деятельности, ни по органу принципиальных раз-

личий между дознанием и предварительным следствием в советском уголовном процессе нет. Дознание не имеет своих, свойственных только ему задач. Задачи одного вида дознания совершенно не отличаются от задач предварительного следствия, а задачи другого вида дознания есть, собственно говоря, функциональное размежевание обязанностей органов расследования по выполнению задач предварительного следствия. Тем более нет оснований считать, что существуют принципиальные различия в дознании и предварительном следствии по характеру действий, составляющих их сущность. Это процессуальные и только процессуальные действия, и хотя дознание отличается от следствия меньшим объемом процессуальных действий, оно все же остается видом **расследования**. Нельзя провести резкой грани между указанными видами расследования и по органу, их проводящему. Автор здесь выступает против укоренившегося в теории советского уголовного процесса мнения, что дознание в его нынешнем понимании — это такая функция органов дознания, которая тесно связана с их основными задачами, непосредственно вытекает из них. Это неверно, так как **расследование**, как процессуальная деятельность, может быть свойственна только одному органу — следователю. Стиранию грани между дознанием и предварительным следствием способствует также то обстоятельство, что закон, считая в качестве органа дознания определенный административный орган в целом, в то же время ставит лицо, производящее дознание, в процессуальное положение, приближенное к положению следователя, то есть в положение самостоятельного участника уголовно-процессуальной деятельности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На основании изложенного диссертант считает, что дознание в советском уголовном процессе в его обеих формах — это то же предварительное следствие, но проводимое определенными административными органами государства, действующими в пределах непосредственных задач предварительного следствия в несколько отличной процессуальной форме. Методологическая и правовая предпосылки их разграничения по ныне действующему законодательству остаются неясными.

Во второй главе — «Соотношение дознания и предварительного следствия в действующем уголовно-процессуальном законодательстве» — рассматривается роль дознания и предварительного следствия в расследовании преступлений и условия и порядок замены одного из них другим.

Анализируя в § 1 соотношение дознания и предварительного следствия по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, диссертант формулирует следующие его характерные черты: дознание не является обязательным видом расследования по каждому уголовному делу (1), замена одного вида расследования другим в законе решается односторонне, т. е. возможна лишь замена дознания предварительным следствием, но не наоборот (2), момент замены одного вида расследования другим устанавливается характером следственных действий и усмотрением следователя и прокурора, а также определенным сроком и перечнем неотложных следственных действий (3), одновременное ведение дознания и предварительного следствия, учитывая их характер, невозможно (4), по делам, требующим предварительного следствия, ни прокурору, ни суду не предоставлено право ограничивать производство расследования одним лишь дознанием. Вместе с тем диссертант отмечает, что поскольку дознание имеет характер следствия, то на соотношение этих видов расследования оказывает серьезное влияние установление правильной квалификации преступления. Но так как при возбуждении уголовного дела это возможно окончательно сделать далеко не всегда, то практика становится на путь расширения полномочий органов дознания в расследовании дел, требующих предварительного следствия. Особенно наглядно это проявляется в том, что органы дознания, как правило, не ограничиваются производством только неотложных следственных действий и даже проводят дознание тогда, когда в производстве неотложных следственных действий по делу необходимости вообще нет. Последствием запоздалого установления по делу правильной квалификации при производстве дознания по делам, требующим предварительного следствия является то, что эти дела фактически полностью расследуются органом дознания. На почве определения «подследственности» дел между органами дознания и следователем не исключается возникновение разногласий. Кроме того, в работе отмечается, что поскольку расследование дел, требующих предварительного следствия, не может быть ограничено дознанием, то предварительное следствие проводится во многих случаях по делам очень несложным по своей фабуле (напр., по делам о кражах с поличным). Все это порождает дублирование и удлиняет сроки расследования. Таким образом, с одной стороны, процессуальная деятельность органов дознания в ущерб выполнению их основных задач усложняется, а с другой сто-

роны, следователь вынужден вести дела, совершенно не требующие сложных приемов и процедуры следствия.

Соотношение дознания и предварительного следствия по делам, по которым предварительное следствие не обязательно, рассматривается в § 2.

Это соотношение имеет совершенно иной характер, поскольку роль дознания по этой категории дел является основной, решающей. Хотя закон и содержит правило, согласно которому прокурор и суд могут признать необходимым производство предварительного следствия по делам, по которым таковое не обязательно, на практике оно почти совершенно не применяется. В связи с этим, сложилось такое положение: дела, не требующие предварительного следствия, стали обязательной подследственностью органа дознания, и поэтому на любом этапе расследования уголовное дело немедленно передается от следователя в орган дознания, если будет установлено, что расследование его может быть ограничено дознанием. В принципе же орган дознания не может иметь своей подследственности, так как это противоречило бы его природе (И. Г. Коршевер). В противном случае он оказывался бы в положении органа предварительного следствия со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В данной главе, наконец, исследуется роль органов дознания и предварительного следствия в возбуждении уголовных дел (§ 3). Автор подчеркивает, что соотношение дознания и предварительного следствия самым непосредственным образом связано с практикой возбуждения уголовных дел, т. к. применение того или иного вида расследования зависит в полной мере от того, каким органом уголовное дело возбуждено. Например, дознание в виде неотложных следственных действий может иметь место лишь тогда, когда дело возбуждено органом дознания, и применение его исключается, если дело возбуждено следователем. Диссертант рассматривает компетенцию следователя и органа дознания в процессе возбуждения уголовных дел и приходит к выводу, что, исходя из того, что для следователя не только основной и единственной обязанностью должно быть ведение следствия, роль его на первоначальной стадии процесса не должна быть ведущей. Однако на практике при определении роли следователя в возбуждении уголовных дел преобладают иные соображения, а именно — стремление привлечь к выполнению этой обязанности наиболее подготовленных работников. Особенно это проявляется в органах МВД. Поэтому дознание в виде неот-

ложных следственных действий в расследовании преступлений в некоторых районах страны занимает весьма незаметное место. Так, в 1968 г. дела, поступившие из органов дознания к следователям органов внутренних дел и прокуратуры г. Ленинграда, от общего числа дел, находившихся в их производстве, соответственно составили всего 5,0 и 14,6 процента. Но там, где роль следователя в возбуждении уголовных дел по тем или иным обстоятельствам не столь велика, как в Ленинграде, дознание продолжает играть большую роль. Например, в 1968 г. у следователей органов внутренних дел Мурманской и Новгородской областей, а также КАССР процент дел, поступивших от органов дознания, составил соответственно 23,5, 32,4 и 53,0.

С учетом описанного, автор считает, что организация расследования в советском уголовном процессе нуждается в серьезной перестройке и что основная причина ее недостатков заключена в том, что дознание имеет характер следствия.

В третьей и последней главе диссертации — **«Дальнейшее развитие института дознания и его соотношения с предварительным следствием»** — автор развивает и обосновывает свой взгляд на решение этой проблемы. Глава имеет два параграфа. В первом из них рассматривается проблема дознания в советском уголовном процессе. Изложив по этому вопросу взгляды советских процессуалистов, как в довоенный, так и в послевоенный период (П. И. Люблинского, Н. Н. Полянского, М. А. Чельцова-Бебутова, С. А. Голунского, М. С. Строговича, Р. Д. Рахунова, И. Д. Перлова, Г. Н. Александрова и др.), диссертант отмечает, что полного единства в решении проблемы дознания и его соотношения с предварительным следствием в то время достигнуто не было, однако точка зрения М. С. Строговича, Г. Н. Александрова и др., заключающаяся в сохранении дознания и предварительного следствия как видов расследования, оказалась преобладающей и была положена в основу новой кодификации уголовно-процессуального права. Это, как было показано во второй главе, не решило указанной проблемы и потому уже вскоре после принятия ныне действующего законодательства вновь был поднят вопрос о необходимости перестройки, дальнейшего совершенствования структуры и организации предварительного расследования в нашем процессе. В последнее время высказаны предложения о необходимости организации единого следственного аппарата (И. Д. Перлов, Ю. Д. Лившиц, Б. А. Галкин, В. С. Чистякова, В. А. Стрёмовский, С. В. Мурашов, С. В. Бо-

родин, В. Е. Чугунов и др.). Для одних из них это означает ликвидацию дознания по делам, требующим предварительного следствия, а для других — ликвидацию института дознания вообще. Ретроспективный взгляд на законодательство и практику, относящуюся к дознанию, анализ действующего законодательства о дознании и практики его применения, равно как и исследование соотношения дознания и предварительного следствия дают основание считать, что точка зрения тех процессуалистов, которые стоят за сохранение дознания в том его виде, в каком оно существует сейчас, вряд ли обоснована, так как дознание в нашем процессе непосредственно не вытекает из задач органа дознания, не связано органически с ними, а является в сущности тем же следствием, которое проводит следователь. Поэтому производство такого рода дознания не только не способствует, а, наоборот, заметно препятствует выполнению органом дознания своих непосредственных обязанностей. Но диссертант все же выступает за сохранение дознания, т. к. без этого, по его мнению, нельзя ни высвободить следователя от ведения следствия по делам, не требующим сложных приемов расследования, ни упорядочить обязанности следователя. Автор считает, что необходимо добиться того, чтобы ведение следствия для следователя было не только основной, но и единственной его обязанностью. А для этого его нужно освободить от проверки первичных материалов о преступлении и принятия по ним решений. Это не только большая по объему работа (в 1968 г., например, от общего числа первичных материалов о преступлении, разрешенных органами внутренних дел в целом по Союзу, доля следователей составила 20,5%). Проверка заявлений и сообщений о преступлении для следователя оказывается весьма непроизводительной работой, так как по более чем в 50 случаях из 100 (в среднем), как показывает, например, следственная практика УВД Леноблгорисполкомов и УВД других областей, он отказывает в возбуждении уголовного дела. Нельзя не учитывать и того, что исполнение следователем обязанности по возбуждению уголовных дел не всегда согласуется с требованием объективности, которую ему трудно в полной мере сохранить, когда возникает перспектива прекращения уголовного дела, им возбужденного. Усиление роли следователя в возбуждении уголовного дела, особенно по материалам проверок, проводимых органами дознания оперативным путем, грозит расширению в отдельных случаях до неоправданных пределов розыскных функций у следователя, ведет к нежела-

тельному сближению следственной работы с оперативно-розыскной деятельностью органов дознания. Неся полную ответственность за обоснованность возбуждения уголовного дела, а потом за его раскрытие, следователь ставится в такие условия, при которых вынужден оказывать прямое воздействие на оперативно-розыскную деятельность органов дознания путем дачи этим органам разного рода рекомендаций, которые для них в действительности становятся обязательными.

Во втором параграфе автор излагает свою точку зрения на понятие дознания и его соотношение с предварительным следствием. Дознанием предлагается охватить ту деятельность (с учетом ее задач и характера), которая направлена на проверку заявлений и сообщений о преступлении на предмет решения вопроса о возбуждении уголовного дела и которая осуществляется путем получения от граждан объяснений, производства осмотра места происшествия и истребования необходимых материалов (ст. 109 УПК РСФСР), а также путем проведения оперативно-розыскных мероприятий с целью раскрытия замаскированных преступлений. Эта деятельность, с одной стороны, несомненно имеет процессуальное значение, а с другой стороны, органически связана с основными задачами органа дознания, т. е. обладает основными чертами дознания. Она, по мнению автора, непосредственно направлена на раскрытие преступления (на выявление факта преступления) и означает: выведать, допытаться, разузнать, удостовериться существует ли в действительности то событие, о котором имеются сведения в сообщении или заявлении о преступлении, и содержит ли оно признаки уголовно-наказуемого деяния, т. е. что нужно **дознаться** о преступлении, провести **дознание**². Такой подход к проблеме дознания позволит решить ряд вопросов, имеющих большое практическое значение. Обязательным следствием этого должно быть признание за сведениями, полученными из объяснений граждан силы судебных доказательств, для чего необходимо, чтобы при получении от граждан объяснений они предупреждались об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи объяснений и за дачу заведомо ложных объяснений. Должно быть предусмотрено право органов дознания вызывать граждан для получения от них объяснений, в надлежащих случаях подвергать их приводу и предупреждать об уголовной ответ-

² См. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1, М., 1935, стр. 743.

ственности за разглашение данных дознаний. Появится возможность придать правовой характер отношениям, складывающимся при проведении оперативно-розыскных мероприятий по выявлению замаскированных преступлений между органами дознания, с одной стороны, и руководителями организаций, предприятий, учреждений, а также гражданами, с другой стороны. Сейчас в ряде случаев отношения между ними строятся на доверии и авторитете органов дознания, как органов государственной власти (напр., при вызовах граждан и получении от них объяснений, при проведении по требованию органов дознания документальных ревизий). Такое положение нельзя считать нормальным, так как трудно (если вообще возможно) объяснить, почему надлежащие органы государства, призванные решать важнейшую задачу в борьбе с преступностью, не должны обладать властными полномочиями. Кроме того, будут созданы благоприятные условия для усиления прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью, особенно в целях усиления охраны прав и законных интересов граждан.

По мнению автора, задача дознания должна заключаться также в **обеспечении ведения по делу в дальнейшем предварительного следствия**, путем производства **неотложных следственных действий**. В связи с этим, в работе проводится мысль, что деятельность, направленная на выполнение этой задачи, может иметь место только после возбуждения уголовного дела и, что (самое главное) она должна носить характер не следствия, а производства **отдельных следственных действий**, проводимых при наличии достаточных оснований предполагать, что следы преступления могут изгладиться или могут быть утеряны или уничтожены, а лицо, совершившее преступление может скрыться.

Перечень органов дознания в диссертации предлагается сохранить прежним. Однако, видимо, начальников геолого-разведочных партий и экспедиций в случае нахождения их в отдаленных местах следовало бы, по примеру УПК Киргизской ССР, включить в качестве органа дознания и в УПК других союзных республик (кроме, может быть, УПК Украинской ССР, Белорусской ССР, Молдавской ССР и УПК Прибалтийских союзных республик), а начальников зимовок — в УПК Казахской ССР и УПК Закавказских союзных республик. Компетенция органов дознания должна быть установлена с учетом роли этих органов в борьбе с преступностью и различия в средствах и методах осуществления уголовного

преследования. Поэтому предлагается: 1) Дознание по общеуголовным преступлениям, совершенным военнослужащими вне пределов воинской части, проводить милицией, как это было до 1929 года. Кроме того, что такого рода преступления посягают на сферу управления милиции, это лучше обеспечивало бы применение оперативно-розыскных мер, а иногда и объективность в ведении дознания; 2) В законе специально установить правило, согласно которому командиры воинских частей, органы государственного пожарного надзора, капитаны морских судов и начальники зимовок, а также геолого-разведочных партий не должны проводить дознание тогда, когда это связано с применением оперативно-розыскных мер; 3) В силу ст. 20 Конституции СССР, привести в соответствие УПК тех союзных республик, в перечне органов дознания которых включены капитаны морских судов, с Кодексом торгового мореплавания СССР 1968 г. На основании изложенного, в работе приводится следующее определение дознания в советском уголовном процессе.

Дознание — это деятельность некоторых административных органов государства, вытекающая из задачи предупреждения, пресечения и обеспечения раскрытия преступлений, выполнение которой для одних из этих органов обуславливается непосредственно их назначением, а для других — особыми условиями, в которых они находятся, и заключающаяся в проверке по полученным сообщениям и заявлениям наличия событий преступлений и в выявлении обстоятельств, препятствующих возникновению уголовного дела, путем проведения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий, а также в обеспечении успешного ведения по уголовному делу предварительного следствия путем производства неотложных следственных действий. Акты дознания, осуществляемые с соблюдением процессуальных норм, обеспечивающих полную их достоверность, служат доказательствами по делу наравне с актами предварительного следствия.

На этой основе соотношение дознания и предварительного следствия, по мнению автора, следует построить так. Дознание, как и ныне, должно иметь два порядка; это необходимо для того, чтобы оградить следователя от ведения следствия по делам, которые ввиду несложных фабул не требуют этого. По делам, требующим производства предварительного следствия, дознание не будет обязательным видом предварительного производства. Диссертант считает, что при очевидности факта преступления (убийство, разбой и т. д.) следователь

должен возбуждать уголовные дела во всех случаях сам, поскольку в интересах расследования очень важно его участие в осмотре места происшествия. Порядок производства дознания по делам, требующим предварительного следствия, предлагается следующий. После возбуждения дознания производятся необходимые действия, которые могут заключаться как в получении от граждан объяснений, истребовании дополнительных материалов, в осмотре места происшествия, так и в проведении оперативно-розыскных мероприятий. Дознание заканчивается принятием решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Срок дознания определяется в зависимости от категории дознания. Если дознание будет носить оперативно-розыскной характер, то оно должно быть проведено в сроки, установленные сейчас для этого вида оперативно-розыскной деятельности. Если поводом к началу дознания послужат не оперативные данные, а заявления и сообщения, полученные из официальных источников (п.п. 1—5 ст. 108 УПК РСФСР), то срок дознания не должен превышать 10 суток. Автор считает, что в определении сроков рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении более правильную позицию занимают УПК Украинской ССР (ст. 97) и УПК Туркменской ССР (ст. 120), что подтверждается и практикой. В диссертации приводятся данные, говорящие о том, что, например, в Ленинграде, Ленинградской и Новгородской областях значительно более половины материалов о преступлениях разрешаются в сроки более чем в 3 суток. После возбуждения уголовного дела дознание может быть продолжено, если возникнет необходимость принять неотложные меры к сохранению доказательств, которые по тем или иным причинам могут быть утеряны для следствия. Чтобы деятельность органа дознания после возбуждения уголовного дела не принимала характера следствия, диссертант предлагает срок производства неотложных следственных действий установить не более, чем в 3 суток.

По делам, не требующим предварительного следствия, необходимость в проведении дознания в виде оперативно-розыскных мероприятий отпадает, как отпадает и необходимость в проведении неотложных следственных действий. Также в течение 10 суток с момента начала дознания должно быть принято решение о возбуждении дела или о прекращении дознания по основаниям, указанным в ст.ст. 5—10 УПК РСФСР. До истечения этого срока уголовное дело должно быть обязательно возбуждено тогда, когда возникнет необходимость в задержа-

1322

нии лица, совершившего преступление, в избрании ему меры пресечения или в производстве каких-либо следственных действий. Окончание дознания и направление дела в суд должны оформляться протоколом, в котором необходимо фиксировать обстоятельства совершения преступления и сведения о личности правонарушителя. После утверждения протокола руководителем органа дознания и ознакомления правонарушителя с материалами дела, последнее через прокурора направляется в суд. Если необходимые материалы в течение 10 суток не были получены или если не закончилось проведение какого-либо следственного действия (например, экспертизы), то дознание после истечения 10 суток до одного месяца может быть продлено руководителем органа дознания, а свыше одного месяца — наблюдающим прокурором. Таким образом, предлагаемый порядок производства дознания по делам, по которым предварительное следствие не обязательно, является сходным (но не тождественным) с порядком оформления и направления в суд материалов о незлостном хулиганстве (ч. 1 ст. 206 УПК РСФСР), установленным ст. 415 УПК РСФСР, который некоторыми процессуалистами (И. Д. Перловым) не без основания назван дознанием. Как показывает практика, в целом такой порядок производства дознания себя оправдывает, хотя он и не свободен от некоторых недостатков.

В диссертации далее рассматривается вопрос о круге дел, производство по которым можно было бы ограничить дознанием. Диссертант прежде всего присоединяется к мнению тех авторов (В. С. Тикунов, С. В. Мурашов, С. В. Бородин и др.), которые считают целесообразным исключить из уголовных кодексов союзных республик составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 199, 200 и 201 УК РСФСР, и отнести их к административно-наказуемым проступкам. Диссертант считает правильным мнение этих авторов и о том, что преступления, предусмотренные частью второй ст.ст. 158, 163, 169 и 206 УК РСФСР, необходимо отнести к категории дел, требующих предварительного следствия. Это дела о таких преступлениях, за совершение которых предусмотрены довольно значительные меры наказания (до 2—5 лет лишения свободы). Расследование их представляет значительные трудности и требует довольно продолжительного времени.

В работе приводятся данные исследования большого количества дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 96 ч. 1, 198 и 209 УК РСФСР, в подтверждение того, что они в громадном своем большинстве действительно просты, что предвари-

тельное производство по ним может вполне ограничиться дознанием в том его понимании, которое предлагает диссертант.

В работе далее приводятся доводы в обоснование практической целесообразности отнесения к категории дел, не требующих предварительного следствия, также дел о мелкой спекуляции (ч. III ст. 154 УК РСФСР), об оскорблении подчиненным начальника и начальником подчиненного на словах или ненасильственными действиями (п.п. «а» и «б» ст. 243 УК РСФСР) и оскорблении насильственным действием одним военнослужащим другого при отсутствии между ними отношений подчиненности или старшинства (ст. 244 УК РСФСР). Несложность абсолютного большинства этих дел очевидна.

В целях устранения ранее отмеченного недостатка в организации предварительного расследования, заключающегося в том, что предварительное следствие сейчас проводится все же по многим несложным по фабуле делам и что имеют место в ряде случаев споры между следователем и органом дознания при определении подследственности некоторых дел, диссертант предлагает расширить возможности прокурора и суда в выборе форм предварительного производства и предоставить им право ограничивать предварительное производство в случае несложности дела дознанием и по некоторым делам, которые как правило требуют производства предварительного следствия. Это можно было бы допустить по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 154 ч. I, 158 ч. II, 162 ч. II, 163 ч. II, 169 ч. II, 206 ч. II и 207 УК РСФСР. Среди квалифицирующих обстоятельств у большинства названных выше преступлений имеются такие, которые, как правило, не могут осложнить фабулу дела (например, наличие судимости), а объективная сторона некоторых из этих преступлений очень близко граничит с объективной стороной тех преступлений, дела о которых не требуют предварительного следствия (например, спекуляция и мелкая спекуляция, угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества и хулиганство). Диссертант убежден, что дознанием вполне можно ограничить предварительное производство и по многим делам о кражах (ст.ст. 96 ч. 2, 89 и 144 УК РСФСР), большинство из которых составляют дела о кражах с поличным. В диссертации вновь приводятся данные исследования большого количества дел этой категории, которые свидетельствуют о том, что расследование дел о кражах с поличным, как правило, не представляет никакой сложности и ограничивается допросами свидетелей-очевидцев, а также

истребованием характеристик и копий приговоров, на что и уходит большая часть времени предварительного следствия. Практика показывает, что по делам о воинских преступлениях, предусмотренных ст.ст. 239, 243 п. «б», 245, 246, 255 и 258 УК РСФСР также можно было бы допустить возможность выбора прокурором и судом формы предварительного производства в соответствии с их сложностью.

Таким образом, в диссертации проводится мысль, что перечни дел по признаку обязательности (или необязательности) по ним предварительного следствия должны содержаться в самом законе, но для того, чтобы критерий сложности стал одним из основных критериев в определении вида предварительного производства, должен быть установлен такой порядок, при котором прокурор и суд могли бы ограничивать предварительное производство дознанием по некоторым делам, по которым предварительное следствие обязательно, но которые ввиду их простых фабул не нуждаются в сложных приемах расследования.

Автор далек от мысли, что все его практические выводы и предложения бесспорны, так как понимает насколько сложна и серьезна проблема дознания и его соотношения с предварительным следствием в советском уголовном процессе. Эта проблема и далее требует своего изучения, обсуждения и исследования.

**Основные положения диссертации изложены автором
в следующих опубликованных работах:**

1. К вопросу об органах предварительного следствия и дознания в советском уголовном процессе. «Сборник статей адъюнктов и соискателей». Изд. ВШ МВД СССР, М., 1969.
2. О задачах предварительного следствия в советском уголовном процессе. «Вестник Ленинградского университета» № 17, вып. 3, 1969.
3. К проблеме дознания в советском уголовном процессе. «Сборник статей адъюнктов и соискателей», Изд. ВШ МВД СССР, М., 1970.